

УДК 930

ББК Т0

ГСНТИ 14.07

Код ВАК 07.00.02

М.А. Фельдман

Екатеринбург

МАТЕРИАЛЫ XVIII ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В РУДН (15-16 МАЯ 2014 Г.) КАК ЗЕРКАЛО ДИСКУССИЙ В ИСТОРИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история, Россия, СССР, методология, электронные ресурсы, учебники, современность, концепция, дискуссия, вариативность.

АННОТАЦИЯ: Статья раскрывает итоги обсуждения на XVIII Всероссийской научно-практической конференции в РУДН важнейших проблем исторической науки методики преподавания истории в образовательных учреждениях. Рассмотрены концептуальные вопросы учебных курсов по истории России и стран СНГ.

M.A. Feldman

Yekaterinburg

MATERIALS XVIII ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE IN ORE (15-16 MAY 2014) AS A MIRROR OF DISCUSSIONS IN HISTORICAL SOCIETY

KEY WORDS: history, Russia, USSR, methodology, electronic resources, books, modernity, the concept, discussion, variability.

ABSTRACT: The article reveals the results of the discussion at the XVIII all-Russian scientific-practical conference in ore of the most important problems of historical science methods of teaching history in schools. Discusses the conceptual issues of training courses on the history of Russia and CIS countries.

Аннотация к материалам сборника материалов XVIII Всероссийской научно-практической конференции в РУДН отмечает два основных вектора дискуссий: обсуждение концептуальных вопросов учебных курсов по истории России и стран СНГ, а также конкретно-исторические проблемы в учебных курсах (общих, проблемных, краеведческих) (1. С. 2).

Взаимосвязь указанных направлений очевидна. При всей важности оценки конкретно-исторических проблем, без подлинно

научных концептуальных подходов история легко превращается в публицистику, зачастую, толкающее общественное сознание назад. Именно поэтому, отмечая важность таких методических форм, как например, изучение истории повседневности в школе – научное направление в современном гуманитарном знании, изучающее повседневную (частную, в отличие от публичной) жизнь людей, в контексте деятельности индивидов и семей, механизмы их выживания и приспособления к существующей реальности – следует помнить о необходимости постоянного сопоставления развития микро – и макроистории (2. С. 68-75).

Иными словами, например, рассмотрение быта горожанина СССР 1920-х гг. наиболее полно будет понято не только в форме сравнения с предшествующим этапом Отечественной истории, но и в контексте социальной истории Европы, учитывая как материальные факторы, так и состояние культуры в широком смысле этого слова; эволюцию менталитета, степень духовной свободы человека.

Конечно, распространение интернета, существенно меняет формы преподавания, расширяя круг методов исследования. С точки зрения преподавания истории, сегодня весьма существенен «парадокс Интернета», согласно которому вероятность наличия нужной информации в цифровом формате в Интернете возрастает, а возможность её найти уменьшается. Выход возможен, как показывает практика, в критическом подходе к онлайн-информации, в частности, в сознательной многокритериальной оценке конкретного электронного документа и электронного ресурса в целом (3. С. 68-75).

Примечателен вывод, о том, что «важно научить школьников критически оценивать историческую информацию, выстраивать собственную позицию». При всей значимости воспитательной роли истории не следует забывать о другой важнейшей задаче учителя истории: по развитию умения самостоятельного творческого критического мышления (4. С. 13-22). Однако и здесь первичен концептуальный подход.

Крайне значимым представляется мнение о том, что разные методологические подходы, связанные с моноконцептуальным или поликонцептуальным изложением исторических фактов и событий не всегда позволяют определить необходимый минимальный и максимальный уровень базовых знаний учащихся. В этой связи, неудовлетворенность моноконцептуальными учебниками по

отечественной истории, особенно по XX в. во многом объясняется как их как идеологической направленностью (4. С. 13-22), так и методологической беспомощностью выводов.

Противоположные оправдательные оценки советской истории содержались в книге для учителя под редакцией А.В. Филиппова, подготовленной на основе теории мобилизационного развития страны. Книга, а затем и учебник также вызвали неоднозначные отзывы. Так, по мнению историка Ирины Карацубы в учебнике содержится «прямая, циническая реабилитация Сталина и сталинщины» (4. С. 18).

Трудно согласиться и с огульными обвинениями в адрес отдельных концептуальных подходов, например цивилизационного (5. С. 149-156). Если вчитаться в критические замечания в его адрес – особенностью цивилизационного мифотворчества в преподавании истории называются «буржуазные мифологемы – либеральная демократия, рыночная экономика, мультикультурализм, открытое общество, национальное государство, автономия прав и свобод человека, идеология консюмеризма (потребительства)» (5. С. 150) – не трудно заметить: если по форме, отрицание значимости приведенных выше понятий носит, знакомый по советской эпохе, прокоммунистический характер, то по сути, речь идет о готовности или неготовности исследователя абсолютизировать значимость указанных ценностей.

Собственно говоря, оценка роли Сталина в советской истории, а также самой советской эпохи оказалась в центре дискуссий на конференции, отражая и состояние общественного сознания сегодняшней России.

Думается в рамках ценностно-ориентированного подхода возможна постановка вопросов, позволяющих приблизиться к научной оценке советского прошлого. К ним относятся: вопросы о вариативности действий советских руководителей в различных сферах жизни; о выборе варианта действий с наименьшими человеческими и материальными потерями и издержками; о цене каждого варианта; о степени причастности и ответственности любого советского управленца за реализацию каждого из вариантов.

В такой ситуации, заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина на Совете по межнациональным отношениям 19 февраля 2013 г. о возможности создания единых учебников истории России, возвращает не официально закрепленное единомыслие, а

представляет лишь попытку утверждения единых научных подходов в изучении истории, выработанных самим научным сообществом. Причины такого внимания к данному предмету определяются спецификой исторического образования и его влиянием на формирование мировоззрения и воспитание гражданских качеств молодого поколения.

Аналогично, выделение президентом страны во время встречи в Кремле 16 января 2014 г. с разработчиками концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории таких базовых принципов в изучении истории, как «объективность и непредвзятость, уважение к собственному прошлому и любовь к своей Родине», понимается не как отрицание любой критики негативных страниц отечественной истории, деятельности лидеров СССР.

Конкурентоспособность управленческого решения, хода его реализации, конкретных шагов любого действующего лица российской истории на *фоне аналогичных событий мировой истории*, должны быть положены в основу оценки. Одновременно, сложнейшая интегральная оценка взаимосвязанных интересов граждан и национальной безопасности, выступает как социальная составляющая результативности любого исторического события.

Материалы конференции, на примере анализа учебников по истории Казахстана и ряда Среднеазиатских республик, убедительно показывают всю опасность подчинения исторической науки официальной идеологии. Знаменательно, что в последние годы коллеги из упомянутых стран СНГ начинают выходить из плена националистических концепций (6. С. 42-49; 7. С. 13-22; 8. С. 358-366).

Едва ли не самой сложной проблемой исторической науки (добавлю – и исторического сознания) стала оценка Сталина в управлении огромным государством на протяжении четверти века. Можно говорить о влиянии откровенно просталинистских авторов на развитие современного гуманитарного знания (9. С. 336-343).

Однако, однозначно позитивные, некритические оценки Сталина присутствуют сегодня и у некоторых серьезных исследователей (10. С. 284-292). Представляется, что помимо очевидного воздействия мнения отдельных представителей власти, сказывается и (как это не покажется странным) отсутствие глубоких, выполненных на высоком научном уровне, монографий, дающих объективную и всестороннюю оценку деятельности Сталина в таких

сферах, как военная, внешнеполитическая, экономическая, социальная, политическая; культуры. Создание таких монографий, стало бы первой ступенью для написания интегрального труда, подводящего итоги деятельности человека, наложившего столь значительный отпечаток на ход советской истории, судьбы миллионов людей.

Возможно – это задача Института российской истории – как организатора и координатора подобных исследований. Отсутствие такого труда, к сожалению, продолжает раскалывать общественное сознание россиян.

Тем не менее, нельзя не отметить оптимистическую тенденцию: сближение оценок историков и политологов, содержания и результатов послесталинской эпохи.

Следует поддержать вывод о том, что в определенный период своей истории, а именно: с середины 1950-х и до середины 1980-х годов, Советский Союз проводил социальную политику, совпадавшую по своим целям с политикой «государства всеобщего благосостояния». Этими целями были: социальное равенство, высокий уровень и качество жизни всех членов общества, реализация их социальных возможностей и потребностей.

Другое дело, что средства и методы (директивное планирование, жесткий государственный контроль над мерой потребления трудоспособных членов общества, административное распределение ресурсов, отсутствие экономической свободы и т.д.), которыми советское руководство пыталось реализовать сходные цели и задачи в конкретных областях социальной сферы, существенно отличались от социальных механизмов «государства всеобщего благосостояния» (13. С. 101-108).

Медленно, очень медленно (возможно, в ракурсе жизни одного поколения) историческая наука в России отходит от крайностей оценок советского и постсоветского периодов.

Литература:

1. Преподавание Отечественной истории: исторические факты и их интерпретация. Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции. Москва, РУДН, 15-16 мая 2014 г. С.2.
2. Богданова А.А. Изучение истории повседневности в школе (на примере курсов всеобщей истории) // Там же. С.31-36.
3. Володин А.Ю. История онлайн: о применении электронных ресурсов

- в обучении истории // Там же. С.68-75.
4. Алмаев Р. З. Школьные учебники истории в условиях информационного общества: опыт, проблемы, тенденции // Там же. С.13-22.
  5. Там же. С.18.
  6. Там же.
  7. Мишучков А.А., Мишучкова А.В. Мифотворчество цивилизационного подхода в преподавании отечественной истории // Там же. С.149 - 156.
  8. Там же. С.150.
  9. См. например: Брежнева С.Н. Роль идеологических установок государства в интерпретации исторических фактов (на примере проблемы присоединения Туркестана к России) // Там же. С.42-49; Волков И.В. Проблема присоединения Средней Азии в освещении вузовской учебной литературы в России и странах «ближнего зарубежья» // Там же. С.13-22; Шушкова М.Е. Российская империя и среднеазиатский регион: проблемы преподавания // Там же. С.358-366.
  0. Фельдман М.А. Сталин, попытки реанимации сталинизма и преподавание истории // Там же. С.336-343.
  1. Сенявский А.С. Освободительная миссия Красной Армии в 1944–1945 гг.: формирование и эволюция официального дискурса // Там же. С.284-292.
  2. См.: Кашеварова А. Губернаторы и мэры на три дня стали студентами // Известия. 2015. 3 февраля.
  23. См.: СССР. Незавершенный проект. Размышляя о марксизме / под общ. ред. А.В.Бузгалина, П.Линке. М., 2013.
  34. Иванова Г.М. Советские социальные реформы 1950–1960-х гг.: проблема интерпретации в учебных курсах российской истории // Там же. С.101-108.

---

* В данном контекст понятия «педагог» и «учитель» рассматриваются как синонимы.

*По данным на 1 ноября 2012 г., были опрошены 142 педагога Свердловской области.